

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Шкаф закрывался на ключ, но замок был простейший, мебельный, а дверца сделана из тонкого гнущегося металла. Такую отжать — не проблема. Достаточно просунуть в щель что-нибудь твердое и тонкое, приложить усилие, и калитка в рай откроется.

Именно так преступник и поступил. Он проник в процедурную, вскрыл медицинский шкаф и вынул из женской сумки кошелек. После чего исчез вместе с добычей и орудием труда. Когда это произошло, было непонятно. Пропажа обнаружилась в конце рабочего дня, когда процедурная сестра собиралась домой.

— Открываю сумку, а там!.. — Пышнотелая Ольга Витальевна протяжно вздохнула, глядя на своего начальника.

Доктор Макеев тоже собирался домой. В мыслях он уже был с женой и детьми, а тут происшествие, которое пятном ложилось на его отделение. Хочешь или нет, а надо разбираться.

— Что еще пропало? — спросил Игнат Каратаев.

Но женщина на него едва глянула. Игнат был всего лишь больничным охранником, безликим и скучным мужчиной в неприятзательной униформе. Ольга Витальевна о нем и не вспомнила, узнав о пропаже, но Makeев мимо него не прошел. Если произошла кража, значит, виноват охранник. Игнат для того и позван был в процедурную, чтобы прочувствовал свою вину. Вряд ли Makeев рассчитывал на его помощь.

— Больше ничего не пропало, — заявила Ольга Витальевна. — Только кошелек.

Игнат присел перед шкафом, осмотрел дверцу. Следы взлома явные — деформация и скол краски по загнутой кайме, царапины. Видимо, инструмент у вора был не прямой, а с резким загибом, край которого соскоблил краску с внутренней стороны дверцы. Ширина пластины составляла сантиметра полтора-два.

Загиб на пластине в таких случаях — скорее препятствие, нежели содействие. Возможно, преступник воспользовался тем, что попало под руку.

— У вас есть какие-нибудь инструменты? — спросил Игнат.

Он глянул на нижнюю полку процедурного столика, стоявшего неподалеку, и увидел стальную пластину с прямоугольным загибом, лежащую на самом краю, между стеной и стерилизационным биксом.

— Какие-нибудь инструменты есть где-нибудь, — заявила Ольга Витальевна. — А в процедурном кабинете есть хирургические инструменты.

Игнат достал из кармана чистый носовой платок, осторожно взял пластину, поднес к окну.

— Крючок Фанабефа, — сказал Макеев и строго посмотрел на сестру.

Мол, почему хирургические инструменты валяются абы где?

— Да не было здесь крючка! — сказала та, косо глянув на Каратаева.

— А где он был? — спросил Игнат, разглядывая инструмент.

Крючок стальной, пластина тонкая, но прочная. Ширина подходящая, как раз полтора-два сантиметра. На такой пластине запросто мог остаться полноценный отпечаток пальца. Но крючок явно кто-то чем-то протер. Сначала использовал, а затем уничтожил все, что на нем осталось после взлома. Преступник явно не дилетант.

— В сухожаре. — Женщина кивком показала на стерилизационный шкаф, дверца которого не была заперта на замок.

— По всей видимости, преступник не готовился к взлому, — сказал Игнат. — В кабинет он заглянул случайно. Увидел, что никого нет, нашел подходящий инструмент, взломал дверцу.

Ему показалось странным место перед шкафом. Вроде бы там и чисто, как и везде, но видно, что пол замывался только здесь, а не во всем кабинете. В глаза эта странность не бросалась, но если приглядеться...

— Ольга Витальевна, вы пол здесь мыли? — спросил Игнат и обвел рукой место перед шкафом.

— Я должна отвечать? — Женщина глянула на своего начальника с возмущением, обращенным к Игнату.

Макеев кивнул и с укором посмотрел на нее. Действительно, что за глупые вопросы?

— Пол в кабинете моется регулярно.

— Даже если натоптали только перед шкафом?

— Кто здесь что натоптал? Просто просыпалось...

— Что именно просыпалось?

— Хлорамин, — выдавила из себя Ольга Витальевна как человек, в чем-то уличенный.

Игнат видел пластиковую банку, которая стояла на второй снизу полке. Между этой емкостью и боковой стенкой шкафа зияло свободное место. Видимо, эту пустоту не так давно занимала злополучная сумка.

Раствор хлорамина использовался для дезинфекции помещений. Порошок белого цвета должен был храниться в закрытой таре. В этом случае из банки ничего не просыпалось бы. Теперь у начальника могли возникнуть вопросы к подчиненной. Почему тара не была запечатана?

Отвечать на этот вопрос Ольге Витальевне явно не хотелось, потому она и занервничала. Именно так Игнат и подумал. Хотя у женщины могли быть и другие причины для беспокойства.

У него тоже возникли вопросы. Почему преступник опрокинул банку? Зацепил ее, вытаскивая сумку? Но вряд ли банка стояла впритирку с ней. Достаточно широкое дно служило хорошей опорой. Порошка в банке было достаточно много, а тяжесть усиливает устойчивость.

— Много просыпалось?

— Нет, совсем чуть-чуть.

— Значит, преступник поймал банку.

«И мог оставить на ней отпечатки пальцев», — мысленно добавил Игнат. Вслух он говорить этого не стал. Зачем? Дактилоскопия для него слишком сложна. Нет ни возможностей, ни полномочий.

— Но прежде чем поймать банку, он ее чем-то зацепил и потянул на себя. Возможно, этим крючком, — проговорил Игнат и в раздумье пожал плечами.

Так мог поступить только полный недотепа. Но если преступник сумел отжать дверцу и даже догадался протереть после этого инструмент, значит, он не такой. Эта кража явно не первая для него.

Может, он торопился, поэтому и повел себя неловко? Но нервный человек не полез бы в шкаф, зная, что процедурная сестра может вернуться в любой момент.

— Но преступник-то у нас опытный. Он бы себе такого не позволил. Если, конечно... — Игнат взял паузу.

Вдруг у преступника непроизвольно дернулась рука?

— Ольга Витальевна, кто из пациентов мог видеть, как вы ставите сумку в шкаф? — спросил Игнат.

— Думаешь, что пациент?.. — осведомился Макеев. — А то повадился тут к нам один посетитель.

— Пациент, — сказал Игнат.

Он отдал милицейской службе четырнадцать лет своей жизни и достаточно хорошо разобрался в специфике воровского дела. Некоторые субъекты работают исключительно по квартирам. Барсеточники обносят автомобили, марвихеры — гостиницы,

клюквенники — церкви, майданчики — вокзалы. Есть и персонажи, которые специализируются на больницах и поликлиниках. Но гораздо шире представлены универсалы, которые воруют везде.

— Почему ты так уверен? — спросил Макеев.

— Потому что у него невралгия. Рука самопроизвольно дергается. Скорее всего, правая.

— У Митина тремор после травмы! — заявила Ольга Витальевна.

— Он часто у вас бывает?

— Да каждый день. Сегодня, правда, не был. На выписку вроде бы идет, да, Юрий Дмитриевич?

Макеев промолчал, не меняясь в лице. Он не помнил, что там с Митиным, а ведь должен был владеть информацией. Заведующий отделением мог просто кивнуть, соглашаясь с процедурной сестрой, но вдруг та ошибалась? Поэтому Юрий Дмитриевич выбрал нейтральное молчание, в котором содержались и «да», и «нет».

— Глянуть бы на этого Митина, — сказал Игнат.

— Четырнадцатая палата, — подсказала Ольга Витальевна.

В больничном коридоре пахло лекарствами, хлорамином, а еще больше — новым пластиком и свежей краской. Ремонт был сделан везде, даже в палатах.

Дверь в палату Ольга Витальевна открыла похозяйски, размашисто.

Она переступила через порог и разорвала тишину трубным голосом:

— Митин, на процедуры!

С койки стал подниматься сухонький мужчина лет пятидесяти в больничной пижаме на два, если не на три размера больше положенного. Игнат обратил внимание на брюки, которые тому пришлось подвернуть снизу.

Рукава на куртке тоже были завернуты. Но удлинить их ничего не стоило, чтобы использовать концы как перчатки. Или как тряпку, которой можно было стереть пальчики с крючка Фанабефа.

— Так я уже вроде бы все, — сказал мужчина.

Игнат заметил, как от волнения у него дернулась правая рука.

— Снимите, пожалуйста, брюки, — попросил он.

— Прямо здесь клизму будете ставить? — осведомился круглоносый толстяк с койки по соседству.

— Зачем? — Митин напряженно смотрел на Каратаева.

Он решал, нужно ли ему подчиняться какому-то охраннику.

— Снимай, тебе говорят!

Исход противостояния решила Ольга Витальевна. Она рывкнула на него, и Митин покорно снял брюки.

Сначала Игнат развернул загибы на штанинах и заметил там крупницы хлорамина. Затем он обратил внимание на паука, вытатуированного на правой ноге. Наколка старая, топорной лагерной работы.

— Откуда паучок? — возвращая брюки, спросил Игнат.

— Да так, в молодости баловался.

— Наркоман?

— Нет! — вскинулся Митин.

— Значит, вор. Паук вниз ползет, а не вверх. Завязал с этим делом?

Мужчина ничего не сказал, поджал губы и красноречиво глянул на Игната. Да, в лагере он был, срок мотал, но действительно завязал с воровством.

— А если завязал, зачем тогда лопатник дернул?

— Какой лопатник? — Митин опустил голову и вонзил в Игната взгляд, пущенный исподлобья.

— Порошок у тебя в штанах. Ты его просыпал, когда сумку вычищал. Да и пальчики на инструменте оставил, когда дверцу отжимал.

— Не было ничего. — Митин стух, отвел глаза в сторону.

— С Ольгой Витальевной договаривайся. Если она тебя простит, завтра домой уйдешь, если нет, за решеткой ночевать будешь.

— Если все вернет, прошу, — заявила женщина.

— А я пойду звонить в полицию, — сказал Игнат, поворачиваясь к мужчине спиной. — Пока не ушел, думай. — Он шагнул к двери, открыл ее.

— Хорошо! — не выдержал Митин. — Отдам все!

Игнат кивнул, не оборачиваясь. Не станет он вызывать полицию. Пусть это делает Ольга Витальевна, если ей это нужно.

Раскрытое дело его не воодушевляло. Во-первых, ничего серьезного, во-вторых, все равно.

Боевой задор в нем давно угас. Не было интереса к жизни. Так, вялое апатичное существование в режиме автопилота. Отходил смену, вернулся домой, выспался, потом снова на вахту. Так последние шесть месяцев. До этого было еще хуже — водка утром и вечером на протяжении полутора лет. С тех пор как

в автокатастрофе погибли его жена и дочь. С того дня его жизнь остановилась.

Из органов он уволился, когда у него появилась Татьяна. Потом ее не стало, и Игнат свалился в штопор. Он вывел себя из этого крутого пике, но летел теперь низко-низко над землей. Даже волочился.

Последнее время в медицину вбухивались большие деньги. В больницу завозилась новая техника. У нечистых на руку людей появлялось искушение на этом поживиться. Плюс наркотические препараты, личные вещи сотрудников и пациентов.

Все это требовало охраны. Опять же пропускной режим. Работы немало, но, в принципе, ничего серьезного. Здесь не было той изматывающей круговерти, как на службе в органах. Да Игнату она и не требовалась. Ему бы смену отстоять — и домой, готовиться к новой скучной вахте.

Больница большая, на каждом этаже пост охраны. Под наблюдением у Игната сразу три отделения — реанимации, нейрохирургии, неврологии. Большую часть рабочего времени он сидел за пультом, но и обход территории — святое дело.

Игнат как раз собирался заняться этим, когда со стороны лестницы появился Makeев.

— Коротков?... — с добродушной барской улыбкой спросил он.

— Каратаев. — Игнат скучно глянул на него.

— Ты раньше в полиции служил?

Игнат апатично кивнул и так же флегматично глянул на мужчину в светлом летнем костюме, ко-

торый подходил к Макееву со спины, собираясь положить ему руку на плечо.

Рослый, статный. На вид лет тридцать пять. Высокий лоб, осмысленный взгляд, черты лица четкие, правильные, нос небольшой, с горбинкой, как у человека с творческим подходом к решению сложных проблем. Волосы не густые, но взъерошенные, чтобы скрыть намечающиеся залысины.

Лицо гладко выбрито, костюм дорогой, с иголочки, туфли чистые, новые, но все равно улавливалась некоторая помятость. Еще Игната смутил запах одеколona. Вроде бы и неплохой, но нестойкий, мало-насыщенный.

— Служил, — подтвердил Игнат и отвел взгляд от незнакомца.

Этот мужчина пришел с Макеевым. Значит, охраннику не должно быть до него никакого дела.

— Я так вчера и подумал. Быстро ты Митина раскрутил. — Макеев поощрительно улыбнулся.

Игнат вяло пожал плечами. Ему все равно, хвалят его или нет, лишь бы только не ругали.

— Тут у нас девушка в нейрохирургию поступила, — сказал Макеев.

— Нужно провести частное расследование, — продолжил мужчина. — Узнать, что с ней произошло.

— Этим занимаются частные детективные агентства.

— Я вам заплачу, — сказал мужчина.

Он смотрел на Игната внимательно, как будто изучал его. А может, подтверждал свое мнение, сложившееся о нем.

— Хорошо, — неожиданно для себя согласился Игнат.

Смена вот-вот закончится, и что ему тогда делать? Идти домой? Там смертная тоска. А тут живое дело.

Деньги его не особо интересовали, но если заплатят, хорошо.

— Моя фамилия Миронников. Зовут Ярослав Николаевич. — Мужчина представился, но визитку, как принято в таких случаях, не протянул.

Почему? Не хочет светиться? Или связь с ним через Макеева?

— Вы тут поговорите. — Макеев по-дружески хлопнул Миронникова по плечу и ушел.

Игнат внимательно глянул на своего возможного работодателя.

Голову тот сегодня не мыл, волосы впустил щетинистой расческой. Причем сделал это при надетом пиджаке. Игнат заметил мелкие частицы перхоти на воротнике. Крупная выпадает сама. Если на пиджаке совсем уж мелкие частицы, значит, они вычесаны из волос.

Костюм новый, наглаженный. Стрелки до сих пор острые, но наведены вчера. С тех пор на брюках возникло множество поперечных складок, которые углубились от долгого пребывания в неподвижном положении. Возможно, в машине.

Еще Игнат заметил грязевое пятно на правой туфле. Это след от педали акселератора. Так бывает, когда машина с автоматом. Работать с газом и тормозом приходится одной ногой. Туфли Миронников

не начищал, просто протер губкой, но грязевое пятнышко осталось.

На пиджаке тоже обнаружилось маленькое свежее пятнышко. Видимо, Миронников завтракал в машине, возможно, шаурмой.

Выбрит Миронников хорошо, но на подбородке заметна раздраженность кожи. Не исключено, что он пользовался электробритвой в автомобиле.

Еще ему приходилось выходить до ветру прямо на дороге. Он забрел в траву с репейником, брюки потом почистил, но одна колючка, вернее, часть от нее, осталась.

— Ты на меня странно смотришь, — заметил Миронников.

— Я не смотрю, а думаю, — неторопливо проговорил Игнат.

— О чем?

— Устал я. А смена заканчивается. Сейчас бы домой, выпить рюмку коньяку с сигарой.

— С сигарой? — Миронников усмехнулся.

Игнат отдавал себе отчет в том, какое впечатление он производил на окружающих. Поникший, неухоженный, даже запущенный, а потому невзрачный, неинтересный. А ведь ростом выше среднего, широкоплечий. Если бы не сутулился, голову выше держал. Но у него не было такого желания. Смерть любимых людей сломала его дух. Игнат не находил в этом ничего странного.

В своей мятой, несвежей униформе он выглядел как человек, который мог претендовать максимум на «Золотую Яву». Его трудно было представить с сигарой в одной руке и бокалом коньяка в другой.

А ведь когда-то все было — и сигары не в затяжку, и коньяк маленькими глотками.

— Что произошло с вашей девушкой?

Миронников слегка опешил и спросил:

— Разве я говорил, что Лера моя девушка?

— Да, я, наверное, ошибся. — Игнат вздохнул. — Свою девушку вы не стали бы поручать абы кому.

— Почему же абы кому? Макеев хвалил тебя. Да и в полиции ты служил. Что-то случилось в жизни?

Игнат качнул головой, уныло глянул на Миронникова. Да, жизнь пошла под откос, но это его личное дело, и он не станет обсуждать его ни с кем.

— Бывает, — сказал Миронников.

— Что произошло с Лерой?

— Она попала под машину.

— В чем тут неясность?

— У нее черепно-мозговая травма открытого типа. Она не просто стукнулась. Ей кто-то проломил голову. Возможно, еще до того, как Лера угодила под машину.

— Если травма криминальная, то в полицию уже поступило сообщение.

— Травма, конечно, криминальная. Потому что это наезд на пешехода. Но и рассматриваться происшествие будет как автотранспортное.

— Я все понял.

Действительно, что здесь непонятного? Человек хочет выяснить, что же на самом деле произошло. Это для начала. Затем у него возникнет желание найти преступника, если таковой имеется.

Спальный микрорайон, жилой квартал, среди домов — пятиэтажный паркинг. Снизу магазины, автомойка, выше — стоянки для машин.

Игнат подходил к сторожке, когда перед шлагбаумом остановилась иномарка. Опустилось стекло, показался водитель.

— Командир, мне на мойку!

Охранник услышал, поднял шлагбаум, и машина въехала на территорию. Все просто. Впрочем, Игнату все равно. Своего авто у него нет, а пешком попасть в паркинг не проблема.

Охранник стоял возле сторожки. Игнат окинул его поверхностным взглядом. Сразу видно, что мужик разочарован в жизни. Он вроде бы и бодрился, голову держал ровно, сигарету тянул быстро, молодецкато. А взгляд потухший, в нем какая-то обреченность. Но у Игната случай потяжелей.

— Вчера тут у вас девушку сбили, — сказал Каратаев.

Охранник окинул его взглядом, не увидел ничего из ряда вон выходящего, кивнул и буркнул:

— Да, было.

Одет Игнат был просто — непритязательная рубашка в клеточку под серой ветровкой, старые джинсы, недорогие туфли. Охранник легко принял его за своего.

— Она живет где-то рядом.

— Машину здесь ставит. — Охранник кивнул на дорогу, которая сворачивала за здание, к въезду в паркинг.

— Вчера тоже поставила?

— А тебе-то что?

— Да сестра это моя. Зовут Лера, фамилия Калинина.

— А ты сам кто такой?

— Да свой я. — Игнат тускло улыбнулся и вынул из кармана зеленые корочки охранника. — Сам только что со смены.

— То-то я смотрю, какой-то ты чумной.

— Как все было?

— Выбежала она из подъезда, а из гаража мужик выехал. Сорокин фамилия. У него с головой не все в порядке. Носится как угорелый. Машина мощная, разгоняется мигом. А тут эта девчонка. Бум!.. — Охранник бесшумно хлопнул в ладоши.

— В реанимации она сейчас.

— Да уж.

— А выбегала она откуда?

— Из второго подъезда. Прямо под колеса. Надо было с торца выход делать, а они с фасадов натыкали.

— Полиция не приезжала?

— «Скорая помощь» была, а полиция — вроде нет. Зачем? И так все ясно.

— Значит, машину она поставила. А какое место?

— Триста семнадцатое.

— Я гляну?

Охранник повел рукой, указывая путь. Игнат поблагодарил его кивком и прошел на охраняемую территорию, попасть на которую запросто мог любой желающий. Здесь не было никаких оград, вокруг многоэтажные дома. Мимо паркинга постоянно ходили местные жители.

Странно, что этот Сорокин тут так разогнался. Он действительно с головой не дружит или умышленно сбил Калинину?

Игнат подошел к двери, на которой красовалась табличка «Подъезд № 2», осмотрел место перед ней. Погода теплая, солнечная, безветренная, асфальт сухой. На нем два подозрительных пятна, одно чуть больше другого. Они почти круглые, с едва заметным удлинением в сторону от двери. Если это кровь, то скапывала она с бегущего человека.

Игнат заметил пятна и на двери. Кто-то отталкивал ее от себя окровавленной рукой. Следы достаточно четкие, свежие.

На лестнице Игнат тоже обнаружил пятна крови. Особенно много их было на площадке между вторым и третьим этажами. В том числе и на стене.

Нападение на Калинину произошло именно здесь. Об этом свидетельствовала кровь. Врач говорил, что преступник мог ударить ее обухом топора или рабочей стороной молотка. «Ниссан» Калининой занимал то самое место, о котором говорил охранник. Ключей у Игната не было, он просто заглянул внутрь машины и ничего подозрительного не обнаружил. На торпедо глупо улыбался розовый плюшевый зайка с опущенными ушками. Типичная женская фитюлька.

Машина слегка запыленная, на кузове ни царапин, ни каких-либо помятостей. Не было никаких признаков того, что девушка в последнее время испытывала сильный стресс, который мог отразиться на ее умении водить автомобиль.

Калинина выходила из машины, по всей видимости, спокойно, ни о чем не подозревая. Она направилась к дому по самому короткому пути. Прошла через парковочную зону, открыла дверь, вышла на лестницу. За ней уже кто-то шел.

Игнат осмотрелся, заметил одну, а затем и вторую видеокамеру. Преступник тоже мог их видеть. В таком случае у него вряд ли появилось бы желание рискнуть своей свободой.

В любом случае нужно снимать изображение с видеокамер, смотреть записи. Но Игнат не уполномочен вести следственные или розыскные действия. Обратись он за помощью, его пошлют далеко и в грубой форме. Впрочем, у него и нет сейчас такой задачи — найти преступника. Он должен установить полную картину происшествия, предоставить ее заказчику. Тот решит, что нужно делать дальше.

А картина есть. Калинину кто-то ударил по голове, но убить не смог. Она убежала с места преступления и попала под машину. Нужно возбуждать уголовное дело по вновь открывшимся обстоятельствам. Только вот преступника по горячим следам уже не найдешь.

Игнат покинул парковочную зону, вышел на лестничную площадку. Там он огляделся и заметил зеркало, размером примерно с конверт для обычного письма. Оно было прикреплено к стене над лестничной площадкой между четвертым и третьим этажами. Все бы ничего, но Игнат увидел в зеркале свое отражение.

Оно наверняка появилось здесь не просто так. Кто-то установил его для наблюдения за людьми, выходящими на лестницу. Сделать это мог человек, который караулил Калинину

Игнат пожал плечами, покинул паркинг, вернулся к охраннику и спросил про зеркало. Тот лишь пожал плечами. Мол, не было там ничего такого. Значит, появилось совсем недавно.

Глава 2

Взгляд мутный, на лице тихое, обезболенное страдание, на шее бандаж для жесткой фиксации. Голова плотно перебинтована, на руке гипсовая повязка. Выглядела Калинина, мягко говоря, неважно. Зато уже пребывала в сознании.

Перед Лерой сидела крупная женщина лет пятидесяти с тяжелыми золотыми сережками в маленьких ушах. Она смотрела на нее с нежностью, болью и непониманием.

— Лерочка, это же я, твоя мама!

Девушка тускло смотрела на нее. В глазах ни грамма узнавания. Не заметил там Игнат и движения мысли. Не в том состоянии сейчас находилась Лера, чтобы реагировать на происходящее.

Женщина заметила Игната, обернулась, нахмурила брови, с подозрением глянула на него.

— Здравствуйте, — тихо сказал он. — Моя фамилия Каратаев. Я работаю здесь охранником.

Знак вопроса в ее глазах только усилился.

— Меня попросили узнать, что произошло с вашей дочерью. Я провел расследование.

— И что?

— На вашу дочь напали, — глядя на Леру, сказал Игнат. — Это произошло в подъезде паркинга, где она ставила машину.

— Да, там она ее и оставляла, — подтвердила женщина.

— Лера, скажите, вы видели, кто ударил вас по голове? — спросил Игнат.

Но девушка как будто не замечала и не слышала его.

— Врач сказал, что у Леры амнезия. Она ничего не помнит. Значит, ее ударили по голове?

— Я бы хотел с вами поговорить. — Игнат сделал движение, как будто собирался взять женщину за локоток.

Он всего лишь обозначил свое намерение, но она поднялась, как будто ее потянули за руку.

Они вышли в коридор, Игнат провел женщину в холл, где размещалась зона отдыха. Людей там не было, телевизор не работал. Они могли спокойно поговорить.

Игнат ощутил неловкость. Он здесь как бы свой, но на самом деле никто, потому что не на вахте. Даже последняя санитарка имела полное право погнать его отсюда. Но это же чувство заставило его задуматься. Раньше Игната практически не волновало, как относятся к нему окружающие, а сейчас вдруг возникло беспокойство. За расследование он взялся, в общем-то, охотно. Более того, ему хотелось продолжения.

— В полицию уже сообщили. Будет проведена работа, возбуждено дело, назначен следователь. Но

пока что разбойным нападением на вашу дочь занимаюсь я, — сказал Игнат.

— Разбойным нападением? — то ли спросила, то ли уточнила для себя женщина.

— Условно разбойным, — поправил он. — Разбой — это ограбление, опасное для жизни. А вашу дочь, насколько я знаю, не грабили.

— Да, все вещи на месте, — подтвердила Калинина.

— Значит, ее просто пытались убить. Причем преступление готовилось заранее.

— Кому нужно ее убивать?

— Вот это я и хотел бы узнать от вас.

— Я не знаю, что вам сказать.

— Кем работает ваша дочь?

— Секретарем нотариуса.

— У нее были конфликты с клиентами?

— Зачем ей ссориться с ними?

— Ну мало ли.

— Нет, Лера совершенно бесконфликтный человек. На нее, конечно, могут наорать. В прошлом году такое приключилось. Какой-то олигарх у них брачный договор заключал, а Лера сказала что-то поперек. Нет, правда, что это за мода такая? Женишься на девушке, живешь с ней, потом спокойно разводишься и не несешь никакой ответственности.

Игнат кивнул. Неравные браки — большая тема. Его Татьяна происходила из богатой семьи, ее отец владел многомиллионным состоянием. Родители девушки были против ее увлечения, да Игнат и не искал их расположения. Он уволился со службы и

вместе с Татьяной уехал в Москву. Она фактически сбежала от родителей.

Отец отказался от дочери, но через год после рождения внучки забрал свои слова обратно, даже изменил свое отношение к Игнату. Еще через год после этого семейное счастье рухнуло. Татьяна и Кристина погибли, а для Игната жизнь остановилась. С тестем никаких контактов. Родители Татьяны винили во всем его, а он даже не пытался оправдываться. Какая разница, кто виноват, когда Татьяны и Кристины больше нет?..

— Но это было давно и вряд ли имеет отношение к делу.

— Насколько я знаю, ваша дочь не замужем.

— Был у нее жених. — Женщина вздохнула.

— Давно?

— Да уже третий год...

— Может, она с кем-то встречается?

— Я не слышала.

— А кто такой Ярослав?

— Не знаю.

— Лера не всегда делится с вами своими секретами?

— Она девочка замкнутая, живет отдельно от нас.

— Машина у нее не из дешевых, — заметил Игнат.

— Мы с отцом пока не бедствуем. А что?.. — спросила женщина, с подозрением глянув на него.

Уж не претендует ли он на теплое местечко рядом с ее дочерью? Выглядел Игнат неважно, да и должность у него была невеликая, мягко говоря. Не нужен ей такой зять.

— Скажите, может, вы заметили странности в поведении вашей дочери? — спросил Игнат, стараясь уйти от объяснений.

Брови ее взметнулись, как крылья у взлетающей птицы, в глазах сверкнули зарницы.

— Пока что я заметила странности в вашем поведении! — заявила она.

Тут Игнат заметил стильную эффектную шатенку, которая шла по коридору и будто подталкивала саму себя. Ей нужно было идти, а не хотелось, поэтому она так и выглядела.

Калинина поднялась во весь рост, расправила плечи. Это привлекло внимание шатенки.

Она скользнула по ней взглядом, повела бровью и без особой радости протянула:

— Таисия Петровна!

— Ирочка!.. — Калинина обрадовалась, но еще больше удивилась.

— Узнала, что Лера в больнице.

— Кто-то из девочек сказал? — спросила женщина.

— Да, Катя позвонила.

— Катя... — Калинина задумалась, так и не вспомнила, о ком шел разговор, и махнула рукой.

Действительно, какая разница, кто такая Катя.

Игнат окинул девушку внимательным взглядом. Красивая, с изюминкой и даже с загадкой, скрытой в уголках чувственных губ. Одета дорого, с изыском, но без вызова. Макияж спокойный. Даже ресницы не накрашены. Что это, стиль такой или же девушка слишком волновалась, когда собиралась ехать в больницу? Наверное, второе. Игнат успел заметить,

с какой натугой она шагала по коридору. Сильно переживала за Леру или по какой-то причине боялась встречи с ней.

— А это кто? — спросила Ирочка, неприязненно глянув на Игната.

Ему показалось, что она почувствовала напряжение, исходящее от него, созданное мыслями, вдруг закрутившимися в голове.

— Охранник.

Ирочка пренебрежительно оттопырила нижнюю губу.

— Он говорит, что Леру.. — Калинина запнулась.

Родная дочь в тяжелом состоянии, а мать одолевает низменное желание потрепаться перед ее подругой. Нехорошо это.

— Что он говорит? — Девушка нахмурилась и вопросительно глянула на Игната.

— Да не в себе он, вот и говорит. — Женщина махнула рукой и тяжелой походкой двинулась прочь от Игната.

Ира пошла за ней.

Игнат пожал плечами и сел на диван. Да, он выглядел как черт знает кто, и полномочий у него не было. Человека встречают по одежке, уже потом требуют ксиву. Так что внешний вид в его случае прежде всего. Будь Игнат в тренде, Ирочка не глянула бы на него как на последнее ничтожество.

Только вот он не имел особого желаний наводить блеск на облезлые крылышки, подниматься ввысь, парить над землей и даже заниматься расследованием. Тем более что Миронникова нет, информации о нем тоже. Даже сообщение передать некуда.

Не исключено, что Игнат не увидит денег за свою работу.

Надо идти домой, принять ванну, достроить город в компьютерном измерении да лечь спать.

Игнат усмехнулся, подумав о том, что водка или хотя бы пиво в этот перечень желаний теперь не входили. Как-то само по себе все прошло. В один прекрасный день он проснулся и понял, что нельзя убивать себя. А затем и на работу устроился. Что это, если не пробуждение к жизни?

Дело, за которое он взялся, из этой череды. Видно, что жизнь берет свое. Может, и не надо прятаться от новой весны?

Игнат поднялся, повернул к выходу. Почему бы не отправиться домой и не привести себя в порядок?

Он вышел на крыльцо главного корпуса, когда его нагнала Ирочка и окликнула с небрежностью великосветской особы:

— Эй!

Игнат остановился, не оборачиваясь, подождал, пока девушка поравняется с ним, и продолжил путь, заставляя ее идти рядом.

— Что ты там сказал Таисии Петровне?

— А что тебя интересует? — тем же тоном ответил он.

Ирочка слегка опешила. Она, конечно, еще совсем молодая, но уже вся такая успешная, а тут какая-то запущенная персона смеет отвечать ей грубостью.

— Что с Лерой произошло?

— На нее напали, пытались убить.

— Ее же сбила машина! — с волнением в голосе заявила девушка.

Она вынула из брендовой сумочки ключи от автомобиля, нажала на кнопку снятия с сигнализации. Откликнулся красный кроссовер, стоявший в ряду, который занимали автомобили медперсонала.

Посетителям разрешался вход на территорию больницы, а проезд — нет. Но Ирочка явно была из тех людей, которым нравилось переходить дорогу на красный свет. Девушка явно не самая бедная, могла раскошелиться и подмазать охранника на воротах. Или просто очаровать его нежной и доброй улыбкой. Она наверняка умела и любила привлекать к себе внимание, особенно когда ей это было нужно. Такие женщины предпочитают автомобили красного цвета. Ирочка не являлась исключением.

— Сначала ее ударили по голове, машина была потом.

— Вы в этом уверены?

Ирочка намеревалась продолжить разговор, но при этом стремилась в свою машину. Игнат ее, мягко говоря, смушал. Она глянула на него с оскоминой на лице и отказалась от мысли взять к себе в машину. Вдруг воздух в салоне испортит?

— Абсолютно, — ответил Игнат.

Но Ира все же села за руль.

Она вставила ключ в замок зажигания, опустила стекло справа от себя, небрежным движением головы подозвала Игната и спросила:

— Кто мог это сделать?

Игнат пожал плечами.

— Но вы же занимаетесь этим делом, — сказала Ирочка и недовольно поморщилась.

— Меня нанял некто Ярослав Миронников, — сказал Игнат и увидел, как взлетели ее брови.

— Миронников?! — со смесью восторга и удивления уточнила она.

— Вы его знаете?

Она глянула на Игната озадаченно, с вопросом, обращенным самой к себе. Надо ли рассказывать про Миронникова? Стоит ли метать бисер непонятно перед кем?

— Не хотите говорить, не надо, — заявил Игнат.

Он уже понял, что Ирочка знает Миронникова, а лезть в глубину их отношений не собирался. Еще не ясно, будет ли Игнат продолжать это дело. Если да, то не так уж и трудно потом найти эту особу. Номер автомобиля он запомнил, информацию о владелице раздобыть не проблема.

— Лера говорила о нем.

— У них личные отношения?

— Да, личные, — неуверенно проговорила Ирочка, думая о чем-то своем.

— Вы давно с Лерой знакомы?

— С первого класса.

— Дружите?

— Конечно! — Девушка недовольно глянула на Игната и скривилась. — Что за вопросы?.. — Она подняла окно, завела двигатель и сразу же сдала назад.

В ней боролись деловой интерес и личная неприязнь. Ира считала ниже своего достоинства разговаривать с Игнатом, при этом ей нужна была информация о событиях вокруг Леры.

Видимо, личное пересилило деловое, поэтому Ирочка к Игнату не вернулась. Или она узнала все, что ей было нужно.

Молодой человек в полицейской форме входил в вестибюль медленно. Если бы он смотрел под ноги, Игнат решил бы, что его пугает растяжка с гранатой. На плечах новенькие погоны с капитанскими звездочками. Китель пошит безупречно, брюки наглажены. Форменные туфли с утра были начищены до блеска, но на них уже успела осесть пыль, поверх которой ляпнулась жирная капля.

На руке капитана Игнат заметил темное пятнышко, похожее на шоколад. Наверное, тот ел эскимо, но делал это не в машине и не на ходу. Он остановился, чтобы полакомиться мороженым, но капля все же упала на туфлю. Шоколадная крошка растаяла на руке. Что ж, лучше эскимо съесть, чем выкурить сигарету.

Капитан не открывал рта, не протягивал руку. Игнат не мог видеть его зубы и пальцы, но все же предположил, что перед ним некурящий человек. Хотя бы потому, что карманы его не топорщились от пачки сигарет и зажигалки. Папка под мышкой была настолько тонкая, что в ней могли поместиться лишь небольшая стопка бумажных листов и авторучка. Разве что сигареты торчали в гнездах для карандашей. Но это вряд ли.

Молодой человек смерил Игната взглядом, набрал в легкие воздух.

— Мне нужно в нейрохирургическое отделение. Четыреста шестьдесят вторая палата.

— Пожалуйста! — Игнат протянул руку, показывая на вывеску над дверью.

Он заступил на смену в здравом уме и в адекватном состоянии духа. Вчера сделал модельную прическу, выстирал и отутюжил униформу. С утра побрился, сбрызнулся дорогим одеколоном, надел новые туфли. За столом охранника Игнат сидел с бодрым видом, расправив плечи.

Может, потому полицейский капитан и не нашел в нем изъяна, даже продолжил общение, хотя мог бы сразу же показать спину. Палату он отыскал бы и без подсказки.

А может, это просто незатейливый и бесхитростный человек. Тем более что внешность у него не самая выдающаяся. Верхняя часть головы широкая, нижняя — узкая. С носом все наоборот. Верх узкий, а низ широкий, с кончиком, похожим на луковицу. Глаза посажены близко к переносице. Светлые жидкие волосы будто размазаны по голове. Брови такие же хлипкие.

Капитан пытался казаться важным человеком, но вел себя не совсем уверенно. Давали о себе знать комплексы из недавней юности. Или же с ним приключилась беда, которая заставила его усомниться в себе.

— Вас интересует Валерия Калинина? — предположил Игнат.

— Да, Калинина.

— Она вам ничего не расскажет. У нее амнезия.

— Потеря памяти?

— Надеюсь, что временная. Память — штука вредная. — В словах Игната звучал намек, но капитан этого не заметил.

— Да, наверное, — сказал он и повернулся к Игнату спиной.

— Кстати, тут у нас военторг недалеко, — заявил вдруг Каратаев.

Полицейский остановился, повернулся к нему, глянул с насмешкой и недоумением. Какой военторг?.. Ты что, парень, совсем сумасшедший?

— Минут десять пешком, — продолжал Игнат. — Вы же не на колесах?

— Почему вы сказали про военторг?

— А почему вы не спросили про Калинину? Откуда я про нее знаю?

— Откуда вы про нее знаете?

— Я был на месте преступления, видел следы ее крови.

— Да?

— На нее напали. Возможно, пытались убить. Это не было случайностью.

— Нападение на военторг? — Капитан усмехнулся.

— Военторг — это для вас.

— Для меня? — Парень смотрел на Игната, как психиатр на потенциального пациента.

— Машины у вас нет, фуражку оставить негде, а голова у вас пустая.

Капитан торопливо провел рукой по голове, дернулся и застыл в ступоре.

— Наверное, вы положили ее куда-то, когда ели мороженое.

— Мороженое?! — Молодой человек рванул к выходу и исчез из виду.

Минут через двадцать он появился снова. Уже в фуражке.

Офицер делал вид, что ничего не произошло, но на этот раз представился.

— Капитан полиции Райков!.. Что вы говорили про Калинину?

— Преступник подкараулил ее в подъезде наземного паркинга, подкрался к ней сзади, нанес удар по голове. Он бил на поражение, но Калинина осталась на ногах, убежала и попала под колеса автомобиля.

— В подъезде есть следы крови?

— И зеркало, — сказал Игнат.

— Какое зеркало?

— Волшебное. Если, конечно, на нем остались пальчики преступника.

Не вдаваясь в подробности, Игнат рассказал о подозрительном зеркале, изложил свои предположения на этот счет.

— Вы думаете, что преступник мог оставить пальчики на зеркале?

— Я думаю, что преступник мог засветиться на видеорекамерах, которые расположены в парковочных зонах. Надо бы вам разобраться в этом, посмотреть.

— Разберемся. — Райков исчез в глубинах нейрохирургии.

Он побывал у Калининой, поговорил с врачами, затем повернул назад и не прошел мимо Игната. Его интересовало место, где все произошло, и он получил координаты.

Не успел капитан уйти, как появился Миронников. На этот раз он выглядел безупречно. Наглаженный, начищенный, без раздражения на коже.

— Что скажешь, детектив? — спросил сей господин, с интересом разглядывая Игната.

Он явно заметил изменения, произошедшие в нем, и они его почему-то насторожили. Во всяком случае, так показалось Игнату.

— Ярослав Николаевич, твои предположения подтвердились. Калининой действительно проломили голову.

— Кто?

— А кто уполномочивал меня искать преступника?

— Ну да. — Миронников задумался.

— Полиция уже работает.

— Вот и хорошо.

— Мать Калининой не знает про тебя.

Игнат продолжал «тыкать» Миронникову в ответ на его запанибратское к себе обращение. К тому же их деловые отношения, судя по всему, прекратились, толком не начавшись. Не похоже было, что Миронников собирался озадачить его розыском преступника.

— Мать Калининой? — Мужчина нахмурился, непонимающе глянул на Игната.

— А вот Ирочка про тебя слышала.

— Кто такая Ирочка? — озадаченно, с искренним любопытством спросил Миронников.

— Школьная подруга.

— Не знаю, не видел.

— Она тоже хочет знать, какое отношение ты имеешь к Лере, почему проявляешь участие в ее судьбе.

— Потому что мы с ней друзья, — сказал Миронников, достал из внутреннего кармана пиджака тонкий портмоне, вынул оттуда пятитысячную купюру и протянул Игнату.

Но тот на деньги даже не глянул.

— Не надо.

— Почему? — спросил Миронников и внимательно посмотрел на него. — Мы же договаривались, а работу ты сделал. Или я чем-то перед тобой провинился?

Игнат пожал плечами. Действительно, незачем настраивать против себя человека, который мог помочь ему в расследовании. Он хотел продолжить дело. Неважно, просят его об этом или нет.

Игнат взял купюру и скупно кивнул в знак благодарности.

— Тебе интересно знать, какие отношения связывают меня с Лерой, — в раздумье проговорил Миронников.

Игнат промолчал, подчеркивая этим свой интерес.

— Это ведь все, что я тебе заплачу. — Миронников кивнул на купюру, которую Игнат продолжал держать в руке.

— Дело не в деньгах.

— А в чем?

— Просто интересно.

— Хорошо. С Лерой у нас деловые отношения, которые еще только перерастают в личные. Она девушка интересная, а я мужчина холостой.

— Это как-то связано с ее работой? — спросил Игнат, наблюдая за женщиной, которая выходила из неврологического отделения.

Интерес интересом, а служба службой.

— Она работает помощником нотариуса, — сказал Миронников. — Через которого мой начальник заключил брачный договор.

Игнат и бровью не повел, услышав эти слова. Во-первых, он не настроен был откровенничать с Миронниковым. Во-вторых, речь могла идти о другом договоре, а не о том, про который упоминала Таисия Петровна.

— Из-за этого договора между Аркадием Анатольевичем и Лерой возник небольшой конфликт, — продолжал Миронников. — Все бы ничего, но Лера затаила обиду. Она изменила текст документа, и Аркадий Анатольевич попал впросак. Он разводится с женой, процесс уже начат, а по договору.. В общем, попал не только Аркадий Анатольевич, но и я, его юрист. — Миронников сокрушенно вздохнул, давая понять, как тяжело он переживает по этому поводу.

— Значит, мотив против Калининой у вас есть? — сухо спросил Игнат.

— Мотив?! У меня?! — Миронников удивленно вскинул брови.

— А разве нет? Лера подменила брачный договор, вы оказались крайним, возможно, были уволены.

— Нет, с работы меня не уволили. А Лера пришла ко мне и призналась в том, что подменила договор. Мы собирались подать в суд, чтобы он был признан недействительным.

— Собирались?

— Не успели. Нас опередили.

— Кто?

— А кому отойдет состояние Аркадия Анатольевича, если Лера замолчит навсегда? Диане, пока еще его жене.

— А остановить бракоразводный процесс нельзя?

— Нет. Диана настаивает на разводе.

- Так, может, она была в сговоре с Лерой?
- Если только в заочном.
- Через посредников?
- Если посредником может быть совесть, которая выиграла в Лере, когда она ссорилась с Аркадием Анатольевичем из-за контракта. Калинина изменила договор назло Севрюгину. Диана совершенно не знала об этом. Она очень расстроилась, когда узнала о предстоящем разводе.
- Кто такой Севрюгин?
- Севрюгин Аркадий Анатольевич, генеральный директор «Нов-Хаус-Холдинга». Больше ничего не скажу. У меня мало времени. — Миронников выразительно глянул на часы.
- Когда он женился на Диане?
- В феврале прошлого года.
- А развелся?
- Еще не развелся, но механизм уже запущен.
- Прошло чуть больше года.
- Такая вот жизнь. — Миронников развел руками и снова посмотрел на часы.
- В чем причина этой жизни?
- У Дианы есть парень. Севрюгин застукал их вместе.
- В постели?
- Нет. Но вместе.
- Как зовут парня? — спросил Игнат.
- Кажется, Эдик.
- Почему кажется?
- Я не интересовался этой личностью.
- А он знал, что Диана разводится с мужем?
- Да. Я говорил с Дианой, пытался прийти к ком-

промиссу, она отказывалась. Я не знаю, кто ее отговаривал. — Миронников давал понять, что за всем этим стоит Эдик, но вслух об этом почему-то не говорил.

— А с Эдиком ты говорить не пытался?

— А он выходит на контакт? Его как будто не существует.

— Но парня можно найти.

— Так, все!.. — Миронников скрестил перед собой руки. — Мне уже пора.

Игнат кивнул. Да, он не мог его задерживать. К тому же для обычного охранника узнал очень много.

— Макеев на месте? — спросил Миронников.

— Да, был.

— К нему на пару минут, а потом в больницу.

— А разве ты не в больнице?

— А разве я не сказал?.. — спросил Миронников, удивляясь самому себе.

— О чем?

— Севрюгин сейчас в Пироговке, в сердечно-сосудистой хирургии.

— Что такое?

— Обширный инфаркт. Из комы уже вышел... — Миронников резанул рукой, обрывая самого себя, и ушел.

Минут через пятнадцать он вернулся и заявил:

— Коротков, если ты вдруг решил докопаться до правды, то давай. Если найдешь преступника, я хорошо заплачу.

— Каратаев.

Миронников на ходу, не оборачиваясь, махнул рукой. Мол, какая разница?

Смена закончилась, пора домой. Планов у Игната немало. С одеждой у него все хорошо, обновлять гардероб совсем не обязательно. А вот с автомобилем вопрос решить надо. Без машины мужчина сейчас не воспринимается как таковой. Во всяком случае, такие особи, как Ирочка, по-другому не думают. Он не хотел быть лузером в глазах этой особы, хотя и не воспринимал ее всерьез.

Один важный вопрос Игнат уже решил. Теперь он будет работать сутки через двое, как оно и положено, а не через день. У него появилось дело поинтересней, чем охрана больницы.

Он собирался уходить, когда появился Райков. Весь такой же важный напоказ, но недостаточно уверенный в своих силах. Игнат уже переоделся, поэтому следователь, столкнувшись с ним на лестнице, не сразу его узнал. Если бы Игнат не встал у него на пути, он прошел бы мимо.

— О чем думаешь, капитан? — спросил Каратаев, кивнув в знак приветствия.

— Это ты. — Райков сдержанно улыбнулся.

— Если тебе нужна Калинина, то пользы от нее ноль.

Сегодня утром Игнат пытался завести с ней разговор, но зря. Не помнила она ничего. Да и на контакт шла очень неохотно.

— Да? Это плохо.

— На месте был?

— Да, и зеркало видел. Пальчики с него сняли.

— Кровь на экспертизу взяли? — спросил Игнат.

— Да, и уголовное дело завели, — сказал капитан.

— А преступника повязали?

— Нет.

Игнат цокнул языком и стал спускаться по лестнице. Своим укоризненным молчанием он создавал за собой вакуум, который как магнит тянул Райкова.

Они вместе вышли во двор, где всюду светило солнце. Погода отличная, теплый ветерок. Только вот тополиный пух настырно лез в глаза.

— А с видеокamer что сняли? — спросил Игнат и остановился.

— Ничего. Видели, как Калинина выбралась из машины и двинулась на выход. Никто за ней не шел.

— Там стоянка во дворе. Оттуда удобно наблюдать за паркингом. Возможно, преступник ждал жертву в автомобиле. Увидел машину Калининой, вышел, забрел в подъезд, затаился между третьим и четвертым этажами.

— И зеркало установил, — добавил Райков.

— Он мог сделать это загодя.

Капитан кивнул, соглашаясь.

— Я тут кое-что узнал, — в раздумье проговорил Игнат и внимательно глянул на Райкова. — Если тебе интересно.

— Да, интересно, — заинтригованно сказал тот.

— Есть один товарищ, которого надо бы проверить на причастность.

Игнат рассказал капитану о своем разговоре с Миронниковым, упомянул Эдика.

— А разве суд признает договор недействительным? — спросил Райков. — Если в этом случае кого-

то вводили в заблуждение и обманывали, так это Диану. Насилия в отношении Севрюгина не было.

— А если был сговор между Дианой и Калининой?

— Надо это доказать. Без Калининой оспорить сделку будет очень сложно. Выходит, мотивы были у Дианы и у ее парня. Если у них отношения...

— Все это нужно выяснить.

— Снимем пальчики с этого Эдика.

— Он, конечно, мог оставить отпечатки на зеркале... — в раздумье проговорил Игнат, но фразу не закончил.

Действительно, чего судить-рядить, когда можно просто провести экспертизу и посмотреть на результат.

Райков открыл свою папку, вынул из нее лист бумаги, авторучку, приготовился писать. Он зачем-то облизнул губы. Люди делают так, перед тем как обслюнявить кончик карандаша.

Игнат удивленно повел бровью, заметив это. Откуда у Райкова такой рефлекс? Он что, когда-то химическими карандашами писал? Может, это пришелец из прошлого века? Или такое передалось ему от отца, даже деда?

— Севрюгин, говоришь.

— Севрюгин Аркадий Анатольевич, — подтвердил Игнат.

— Какой там холдинг?

— «Нов-Хаус».

— Хорошая у тебя память.

— А что здесь запоминать? — поскромничал Каратаев. — «Новый дом холдинг». Видно, что-то со строительством связано.

— Разберемся.

— С Миронниковым поговори. Он заинтересован в том, чтобы огласку этому делу придать.

— Вот как?

— А зачем он тогда меня к этому делу подключил? — вслух подумал Игнат.

— Да, зачем?

Игнат попытался найти ответ на этот вопрос, но ничего не сказал.

Миронников был первым, кто догадался, что на Калинину могли покушаться. Он пришел к ней в больницу, встретил там своего знакомого Макеева. Тот указал ему на охранника, который накануне удачно раскрыл преступление. Бывший опер легко мог провести дознание, установить факты, необходимые для возбуждения уголовного дела. Поэтому Игнат и получил возможность подзаработать.

В случае успеха Миронников убивал двух зайцев. Он возвышался в глазах Леры, которая могла обрести память в любой момент, и придавал делу с подменной договоров определенный резонанс. Да, Ярослав выставлял своего начальника нехорошим человеком, но при этом помогал ему вернуть состояние.

Все это могло быть так. Если, конечно, Миронников говорил правду. Возможно, он что-то утаивал и даже нарочно вводил следствие в заблуждение.

— Ты поговори с Миронниковым, — повторил Игнат. — А я попробую пообщаться с Ирочкой.

— Кто такая?

— Не знаешь. Миронников тоже о ней не слышал. Мать Калининой удивилась, когда увидела ее, — вспоминал Игнат. — А она появилась и проявила интерес. Что-то с ней не так.